

перо и время

192

Григорий Николаев

Метаморфозы Заболоцкого

1

Та-ак, что это тут за папочка у меня? Пухленькая такая, увесистая. Да здесь работы навалом – материалчиков ого сколько накопилось! И всё надо тщательно перелопатить, по полочкам разложить да по косточкам разобрать. Не случайно же спущено указание: не упустить даже мелочей! Ну ничего, не впервой! Для такого испытанного специалиста, как я, это – сущий пустяк.

Ах да, кажется, забыл представиться! Я – преданный партии литературный редактор первого в истории государства рабочих и крестьян, и зовут меня...впрочем, так ли уж это важно? Мы шагаем в мощный монолитном строю, и имя нам – легион.

Итак, посмотрим, что за рыбка у меня сегодня. Ага. Заболотский Николай Алексеевич. И фотография приложена. Похож скорее на врача или серьёзного учёного, чем на служителя капризных муз. А вот и биография. Ничего не скажешь – постарались компетентные товарищи. И хоть анкетные тексты не мой профиль, а всё же любопытно. Приступим.

Родился 24. 04. 1903 года на ферме в восьми километрах от Казани. Отец – Алексей Агафонович, уроженец деревни Красная Гора Уржумского уезда Вятской губернии, из крестьян. На казённую стипендию закончил Казанское сельскохозяйственное училище и

всю жизнь работал агрономом. Полумужик, полуинтеллигент. Не столько теоретик, сколько практик, около сорока лет разъезжал по полям, переводя их с трёхполья на многополье и наживая себе служебные неприятности. Шестеро детей.

За семь лет до Великого Октября, после долгих злоключений вместе со всей семьёй перебрался на свою родину, в Уржумский уезд, поселившись в небольшом селе Сернур, в шестидесяти верстах от ближайшего города. Уже в советское время, в шестидесятилетнем возрасте, был награждён грамотой Героя Труда. Коллекционер книг и журналов.

Мать – Лидия Андреевна Дьяконова, школьная учительница, сочувствовавшая Революции, родом из уездного городка Нолинска, рано состарившаяся от семейных неурядиц и домашних хлопот. Надо же, какие детали!

А что же маленький Коля? Старший ребёнок, он был крещён в казанской церкви Святой Варвары. С ранних лет Коля увлёкся чтением отцовских книг, стал сочинять стихи. В 1913 году отправился сдавать экзамены в реальное училище Уржума, где увлекался историей, химией, рисованием и сдружился с местным комсомольским поэтом Петром Щелкановым, публиковавшимся под псевдонимом Александр Рабочий. В школьные годы обожал А. Блока и А. Ахматову. В 1918 году написал свою первую (несохранившуюся) поэму «Уржумиада», в которой, по свидетельствам друзей, описывал нравы тамашней молодёжи. В 1919-м уже работал в советском учреждении. А весной 1920-го окончил школу и прибыл в Москву, где был принят на 1-й курс историко-филологического факультета 1-го Московского университета. Одновременно занимался на факультете медицины. Вместе с однокашником из Уржума М. Касьяновым по вечерам посещал театры, Политехнический Музей, кафе поэтов. Но устроиться в Москве не смог, да и голод своё дело сделал – в результате прожил в столице лишь до весны и вернулся в Уржум. Однако в

августе 1921 года поехал в Ленинград и поступил в педагогический институт им. Герцена, на отделение языка и литературы. Проживал в студенческом общежитии, подрабатывая грузчиком в петроградском порту и на лесозаготовках. Личного имущества практически не имел.

В институте был участником литературной группы «Мастерская слова», куда входили Н. Браун, Гр. Сорокин, М. Комисарова, Ник. Дмитриев и другие. Публиковал свои стихи в машинописном журнале «Мысль». Восхищался О. Мандельштамом, подражал В. Маяковскому, А. Блоку, С. Есенину, В. Хлебникову. Собственного голоса не находил.

В 1925 году Заболотский закончил учёбу и некоторое время жил в мансарде на петроградской стороне вместе со своим земляком Н. Сбоевым и ещё двумя студентами, перебиваясь случайными заработками.

По-видимому, именно тогда любовь к поэзии в его душе окончательно взяла верх над научными интересами – он стал активно выступать со своими стихами в ленинградском Доме печати.

Через год был призван в Красную Армию. Службу проходил в Ленинграде, на Выборгской стороне, в команде краткосрочников 54-го стрелкового полка 20-й пехотной дивизии. Состоял в редакции лучшей во всём округе стенгазеты. В 1927 году сдал экзамен на командира взвода. Уволен в запас.

После демобилизации поначалу нигде не работал, но впоследствии начал сотрудничать с детскими журналами «Ёж» и «Чиж», соединившимися в 1931 году, а также с «Пионером» и «Костром». С 1927 года начинает печататься в сборниках Ленинградского союза поэтов и в «Ленинградской правде». Дружит с детскими писателями И. Андрониковым, Н. Олейниковым, Е. Шварцем, знакомится с С. Маршаком. За год до этого вступает в группу «Объединение реального искусства» (сокращённо – ОБЕРИУ), в которой выделялись Д. Хармс, А. Введенский, К. Вагинов, И. Бехтерев, Ю. Владимиров.

Как же, помню, помню, те ещё скоморохи! Один декламирует какую-то бессмыслицу, восседая на шкафу, вокруг другого вертится балерина...ха-ха!

А вот и выдержки из опубликованной ими декларации: «ОБЕРИУ выступает как новый отряд левого революционного искусства; оно верит и знает, что только левый путь искусства выведет нас на дорогу новой пролетарской художественной культуры. Наша воля к творчеству универсальна: она перехлёстывает все виды искусства и врывается в жизнь, охватывая её со всех сторон. ОБЕРИУ не скользит по темам и верхушкам творчества – оно ищет органически новое мироощущение вещи и явления. Именно это его свойство делает его наиболее современным и актуальным. Люди конкретного мира, предмета и слова – в этом направлении мы видим своё общественное значение. Ощущать мир рабочим движением руки, очищать предмет от мусора стародавних истлевших культур. Поэтому объединение наше носит название ОБЕРИУ».

Ну а как же «реальные» товарищи «обериуты» воплощали в жизнь декларируемые ими идеи? Вот, к примеру, «шедевр» от Хармса:

Как-то бабушка махнула,
И тотчас же паровоз
Детям подал и сказал –
Пейте кашу и сундук...

А как вам нравится такой «перл» Введенского:

И англичанка звёздный вид
Открыла в шляпке из кальсон...

Или что вы скажете о таких виршах Бехтерева:

Я спросила – сколько время?
Он ответил –
Белый стол...

Органически новое мироощущение, не правда ли? И как актуально! А что же сам автор манифеста, который с этих пор стал писать свою фамилию через «ц» – Заболоцкий?

Вот, например, его стихотворение «Движение», датированное 1928 годом:

Сидит извозчик, как на троне,
Из ваты сделана броня,
И борода, как на иконе,
Лежит, монетами звеня.
А бедный конь руками машет,
То вытянется, как налим,
То снова восемь ног сверкают
В его блестящем животе.

Что за бред! Да это прямо капитан Лебядкин какой-то! Что это за «руки» у коня? Куда ускакала рифма и откуда у «бедного» коня появились дополнительные четыре ноги? И – самое главное – чем были загипнотизированы критики, увидевшие в этой третьесортной мазне смелую, динамичную живопись?

Впрочем, в отличие от своих компаньонов, Заболоцкий не стремился эпатировать публику, выглядел солидно, читал внятно. Да и стихи его сравнительно удобопонятны.

Но в 1929 году, когда, не выдержав проверки социалистической реальностью, развалились «обериуты», в издательстве писателей в Ленинграде вышла его книга под странным названием «Столбцы». О, сколько шума было из-за этих «Столбцов»! Статьи, рецензии, яростные дискуссии. Но о чём же эта книга? Вот строки из стихотворения «Ивановы» (1928):

Но вот все двери растворились,
Повсюду шёпот пробежал:
На службу вышли Ивановы
В своих штанах и башмаках.
Пустые гладкие трамваи
Им подают свои скамейки.
Герои входят, покупают
Билетов хрупкие дощечки,
Сидят и держат их перед собой,
Не увлекаясь быстрою ездой.

.....
О мир, свернись одним кварталом,
Одной разбитой мостовой,
Одним проплёванным амбаром,
Одной мышиною норой,
Но будь к оружию готов:
Целует девку – Иванов!

А вот откровения из опуса «Свадьба»:

Прямые лысые мужья
Сидят, как выстрел из ружья,

Едва вытягивая шею
Сквозь мяса жирные траншеи.

.....
И вздрогнул поп, завыл и вдруг
Ударил в струны золотые.
И под железный гром гитары
Подняв последний свой бокал,
Несутся бешеные пары
В нагие пропасти зеркал,
И вслед за ними по засадам,
Ополоумев от вьтья,
Огромный дом, виляя задом,
Летит в пространство бытия.

Что это, позвольте спросить? Неужели это советская действительность? Разве это образы людей, строящих коммунизм? Откуда обладающий высокой техникой, но «дышащий наоборот» автор черпает свои кошмарные сюжеты? И ещё – о ужас! – находятся политически близорукие рецензенты, как, например, восхваляющий открытый им «талант» критик Н. Степанов, разглядевшие в этом формализме, неприкрытом любовании нэпманским бытом, капитуляции перед ним и восхвалении «буты-

лочного рая» с его маклаками и вещизмом – борьбу с мешанством! Но даже эти «доброжелатели» не могут не признать исключаящие возможность катарсиса безнадежную мрачность и тупиковость всей книги.

А вот ещё один образчик «реального» искусства в исполнении Заболоцкого:

Меркнут знаки Зодиака
Над просторами полей.
Спит животное Собака,
Дремлет птица Воробей.

.....
Колотушка тук-тук-тук,
Спит животное Паук,
Спит Корова, Муха спит,
Над землёй луна висит.
Из-за облачка сирена
Ножку выставила вниз,
Людоед у джентльмена
Неприличное отгрыз.

Какая смелость фантазии, какая новизна! А мы и не знали, что собака – это животное, а воробей – птица.

Но продолжим изучение биографии. В 1930 году Николай женится на Екатерине Васильевне Клыковой, с которой познакомился ещё во время учёбы в Ленинградском пединституте. С июля 1931-го работает в «Союзфото» под руководством участника гражданской войны комиссара «золотого поезда», писателя В. Матвеева. А в июне следующего года, несмотря на трудное материальное положение, совсем оставляет постоянную работу в издательстве и с головой уходит в писательский труд. Среди его новых друзей – писатель В. Каверин, литературовед В. Гофман, руководитель поэтического объединения при Союзе Писателей А. Гитович. Вместе с Н. Олейниковым и А. Савельевым занимается философией и естествознанием. В 1931–1932 годах переписывается с К. Э. Циолковским, восхищается идеями А. Эйнштейна.

В творчестве вроде бы наместились положительные сдвиги: «Утренняя песня», «Осенние приметы». Казалось, из юношеских неудачных опытов сделаны революционные выводы. Но что мы видим дальше? А дальше товарищ Заболоцкий как ни в чём ни бывало создаёт невразумительные антигражданские, ужасающие анархией рифм и ритмов поэмы «Безумный волк» и «Деревья», а также стихотворения «Царица мух», «Птицы» и «Время». Формализм автора приобретает невиданный размах. И это в то время, когда социалистической революции требуются литературные дредноуты, но перестроенные сверху донизу по социалистическому образцу. Как говорит товарищ Сталин, большим кораблям – большая переделка!

А в 1933 году в журнале «Звезда» публикуются поэмы «Лодейников» и «Торжество земледелия». И если безрадостные размышления в «Лодейникове» типа:

Лодейников прислушался. Над садом
Шёл смутный шорох тысячи смертей.
Природа, обернувшись адом,
Свои дела вершила без затей.
Жук ел траву, жука клевала птица,
Хорёк пил мозг из птичьей головы,

И страхом перекошенные лица
Ночных существ смотрели из травы

ещё можно списать на молодость автора и его страх перед тайнами природы, то «Торжество земледелия» иначе как кулацкой поэмой не назовёшь. В ней автор откровенно издевается над строителем светлого будущего – нашим крестьянством, вводит в повествование заумные диалоги домашних животных, проклинающих свою судьбу, заставляет солдата вести беседы с духами предков и витает в эмпириях своих ненаучных утопий. Пора сорвать с Заболоцкого эту маску блаженного, оторванного от коллектива, занимающегося «чистой поэзией» мастера!

Не случайно это, с позволения сказать, произведение вызвало протест советской общественности – на голову поборника формализма и шукарства обрушился шквал негодования в рабочей прессе. И как раз вовремя! Благодаря этой дружной анафеме был сорван выход уже готовой к печати второй книги сбившегося с курса автора, что заставило его публично признать свои ошибки.

И правда, время от времени в газете «Известия» с 1934 года стали появляться стихи «нового» Заболоцкого, такие, как «Седов», «Север», «Утренняя песня», «Прощание». Параллельно он начинает активную работу переводчика. Высокой оценки критики удостоиваются его переводы для детей («Гаргантюа и Пантагрюэль»), украинской, а также грузинской поэзии. Летом 1936 года он гостит в Киеве у известного украинского поэта М. Бажана, много переводит из Важа Пшавела и своих гостеприимных друзей Т. Табидзе и С. Чиковани. В 1938 году выходит его перевод «Витязя в тигровой шкуре» Ш. Руставели, начинается работа над переводом «Слова о полку Игореве».

С 1934 года он принимает активное участие в выборных органах Союза писателей, творческих дискуссиях, пленумах правления ССП (Тбилиси, руставелевский пленум), пишет статьи, откли-

ки на злободневные гражданские события. Выступает за соцреализм и народность искусства, создаёт гражданскую поэму «Осада Козельска». 16. декабря 1936 проводит в Ленинграде свой творческий вечер.

Но! Доброта и долготерпение советского народа, видимо, не пошли товарищу (или господину?) Заболоцкому впрок. И в мерзкой поэме «Горийская симфония» он решил покуситься на святое – исказил правду о юных годах нашего любимого вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина!

Доколе терпеть нападки затаившегося классового врага, ищущего удобного момента, чтобы вонзить свои ядовитые клыки в сердце Революции?

К счастью, нынче на дворе не либеральные двадцатые, а тридцать восьмой год, и можно со всей большевистской уверенностью сказать: преступная клевета с рук ему не сойдёт!

Всё! Отсылаю куда следует свой разоблачительный отчёт, и пусть гражданина Заболоцкого Н. А. постигнет справедливая кара!

И совесть моя чиста!

2

Годы летят, я давно уже не у дел. Вышел на пенсию, вожу в школу внуков, рыбаку, по вечерам люблю посидеть на скамье в старом городском парке. Почти ничего не читаю, зато сам стал грешить стишками. Даже свой сборничек выпустил.

Много воды утекло со времён моей юности. Столько всего разоблачено, переименовано, передумано! И порой то, что десятилетиями казалось неизбежным и естественным, теперь вызывает сомнения, а то и отвращение.

Раньше со мной такого не было. Как мир меняется! И как я сам меняюсь!

Стоп! Где я слышал эти строки? Кажется, их читал мне один мой старый приятель.

Хм...как же там дальше-то было?.. «И как я сам меняюсь! Лишь именем одним я называюсь».

Да, кажется, так.

На самом деле то,
что было мной, –
Не я один. Нас много.
Я – живой.

Какие удивительные слова! Почему они мне сейчас вспомнились, ведь слышал я их давно Или они просто тайно созвучны моему настроению? Ведь что-то со мной явно происходит – хочется каких-то перемен, избавления от какого-то беспокоящего душу груза. Надо бы порыться в своих архивах.

Та-ак, где же это стихотворение? А, вот оно. Называется «Метаморфозы». Ну-ка, что там дальше?

Чтоб кровь моя остынуть
не успела,
Я умирал не раз.
О, сколько мёртвых тел
Я отделил от собственного тела!
И если б только разум
мой прозрел
И в землю устремил
пронзительное око,
Он увидал бы там,
среди могил, глубоко
Лежащего меня...

Да, поразительно! А кто же автор? Ба, это же мой старый знакомый, Заболоцкий! Вот так встреча! А вот и его сборник. Надо же – не помню, кто и когда его мне подарил. Я, возможно, собирался с ним ознакомиться, но забыл и отложил его в шкаф.

Любопытно! А когда же он издан? Где же мои очки – совсем ничего без них не вижу! Ах, вот как – в 1959 году. Посмертно.

Что-то душно мне...и сердце шалит. А что же сказано в предисловии? Вот, краткая биография. Ага. Родина – Казань. Далее – Уржум, Москва, Ленинград, ОБЕРИУ, «Столбцы», разгромные статьи о формальном экспериментаторстве... Это всё я уже проходил. А что – потом?

«Девятнадцатого марта 1938 года был арестован по нелепому обвинению».

Нелепому... да, нелепее не придумай.

маешь – сегодня я могу в этом себе признаться. Культ личности... но что я мог изменить? Я был простым винтиком в колоссальной машине... Не сделай этого я – нашёлся бы кто-нибудь другой. Хотя... это слабое утешение.

Нет, это не утешение, это – трусливая попытка оправдать себя! Ох, опять сердце! Принять лекарство и прилечь!

Ну вот, теперь можно почитать.

«В 1939 – 43 годах отбывал срок на Дальнем Востоке, в тайге, около Комсомольска-на-Амуре. Строил железные дороги, работал чертёжником и простым рабочим. В 1943 году переведён на Алтай, где в Кулундинской степи велась добыча соды. Там подорвал своё здоровье. Восемнадцатого августа 1944 года был освобождён, но остался жить в селе Михайловском Алтайского края, куда в ноябре того же года к нему приехала жена с детьми. А на следующий год был направлен на строительство в район Караганды. В эти годы почти ничего не писал».

Да уж, попишешь в лютые морозы с топором на плече, да ещё в таком подавленном настроении! Без письменного стола и домашнего уюта...

«После окончания войны, в конце 1945 года завершил перевод «Слова о полку Игореве». Управление «Саранстрой» направило официальное письмо в Союз писателей с просьбой вызвать Заболоцкого в Москву для окончательной доработки этого грандиозного труда».

А вот и его новые стихи:

В этой роще берёзовой,
Вдалеке от страданий и бед,
Где колеблется розовый
Немигающий утренний свет,
Где прозрачной лавиной
Льются листья с высоких ветвей, –
Спой мне, иволга, песню пустынную,
Песню жизни моей.

Странно...

Посмотрим другое:

Уступи мне, скворец, уголок,
Посели меня в старом скворечнике.

Отдаю тебе душу в залог
За твои голубые подснежники.

И свистит и бормочет весна.
По колено затоплены тополи.
Пробуждаются клёны от сна,
Чтоб, как бабочки, листья захлопали.

Начинай серенаду, скворец!
Сквозь литавры и бубны истории
Ты – наш первый весенний певец
Из берёзовой консерватории.

Я и сам бы стараться горазд,
Да шепнула мне бабочка-странница:
«Кто бывает весною горласт,
Тот без голоса к лету останется».

Что-то я не понимаю! Это не галлюцинация, я действительно держу в руках томик Николая Заболоцкого? Не может быть! Неужели автор этих вдохновенных лирических песен и автор «Столбцов» – одно лицо? Вот так метаморфоза!

Но откуда у человека, претерпевшего столько лишений, такая внутренняя сила и чистота? Ни намёка на подавленность и обиду. А какой тонкий слух!

Да, по весне Заболоцкий был не очень горласт, но зато к своему лету без голоса не остался, приберёг его, не разбазарив, для чарующих мелодий и усилил неслыханной простотой!

Но я не дочитал биографию.

«В 1946 году он публикует перевод «Слова», переводит немецких поэтов, Гр. Орбелиани, венгерского коммуниста А. Гидаша. Проживает под Москвой, на даче писателя В. Именкова в Переделкино, затем, в сорок седьмом, перебирается на дачу Каверина, а в сорок восьмом получает подарок из Тбилиси – отдельное издание переводов из грузинской поэзии».

Ну что ж, отлично!

«Весной 1948 года получил двухкомнатную квартиру в Москве, в которой и прожил все оставшиеся годы. При помощи друзей и А. Фадеева вскоре вышел небольшой (всего 17 стихотворений) сборник. Но критика продолжала упорно игнорировать Заболоцкого – за весь 1947 год в печати промелькнуло всего четыре его «оригинальных» про-

изведения, в 1948 – лишь три (да и то не из лучших), в 1949 – только одно – «Преображение степей», а в последующее двухлетие – ни одного».

Неудивительно, что я в эти годы ничего не слышал о нём.

«Шестого октября 1951 года по ходатайству Союза писателей с Заболоцкого снимается судимость».

Ну наконец-то!

«... Годы лишений всё же не прошли даром: в 1954 году Заболоцкий переносит инфаркт. Но, несмотря на неизлечимую болезнь и осложнения в личной жизни, продолжает активно работать. В 1955 году за переводы Д. Гурамишвили Президиум Верховного Совета ГССР награждает его Почётной грамотой. За период с 1956 по 1958 годы им создано более пятидесяти лирических стихотворений, а также поэма «Рубрук в Монголии»; он переводит сербские сказания, готовит перевод «Песни о нибелунгах», выступает как публицист и критик, в 1957 году вместе с группой советских поэтов ездит в Италию.

За год до этого И. Эренбург впервые ставит Заболоцкого на одно из первых мест в советской поэзии, непосредственно за А. Твардовским в альманахе «Литературная Москва» выходит подборка его стихов, после чего критика постепенно начинает менять своё отношение к бывшему «изгою». В 1958 году во время декады грузинской культуры в Москве он награждается орденом Трудового Красного Знамени.

Все знакомые отмечали поразительную работоспособность Николая Алексеевича, требовательность к самому себе...»

Что ещё? Так: «Любил копаться в огороде»... предпочитал спорам душевные беседы... не отрекался от своих ранних работ».

Интересно! Может, в «Столбцах» он и впрямь пытался высмеять и заклеить мещанство, но у меня до сих пор остаётся впечатление, что в той книге чего-то недоставало. Возможно, того просветления, которое возникает при чтении его новых стихов. (Хотя вер-

ность своим принципам достойна уважения).

Нет на свете печальной измены,
Чем измена себе самому.

Нет, Заболоцкий себе не изменил. Он просто поменял угол зрения, сохранив остроту взгляда. И в результате я плачу, читая рассказ о прекрасной «некрасивой» девочке, слышу полёт журавлей и вижу золотое зарево зари над печальным озером:

Но когда под крыльями блеснуло
Озеро, прозрачное насквозь,
Чёрное зияющее дуло
Из кустов навстречу поднялось.

Луч огня ударил в сердце птичье,
Быстрый пламень вспыхнул и погас,
И частица дивного величья
С высоты обрушилась на нас.

.....
Два крыла, как два огромных горя,
Обняли холодную волну,
И, рыданию горестному вторя,
Журавли рванулись в вышину.

Только там, где движутся светила,
В искупленье собственного зла
Им природа снова возвратила
То, что смерть с собою унесла:

Гордый дух, высокое стремленье,
Волю непреклонную к борьбе –
Всё, что от бывшего поколенья
Переходит, молодость, к тебе.

А ещё рождается бессмертная песня о любви, слушая которую, я удивляюсь тому, что написана она человеком на шестом десятке лет:

Зацелована, околдована,
С ветром в поле когда-то обвенчана,
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная моя женщина!

Не весёлая, не печальная,
Словно с тёмного неба сошедшая,
Ты и песнь моя обручальная,
И звезда моя сумасшедшая.

Я склонюсь над твоими коленями,
Обниму их с неистовой силою,
И слезами и стихотвореньями
Обожгу тебя, горькую, милую.

.....

И мне хочется заучить её наизусть, как, впрочем, и многие другие стихи этого удивительного человека. Не это ли – признак настоящего искусства? А ещё я знаю, что он простил меня, и мне хочется очистить душу, «чтобы вновь из корыта на сушу Афродитой вышла она».

И ещё я наконец-то начинаю понимать, что достичь катарсиса можно только сбросив с неё шелуху мёртвых тел, признав свои промахи и пожелав всему миру добра. И что с этого дня я стану другим человеком и постараюсь жить так, чтобы «и любовь, и песни – до конца»!

Вечером тринадцатого октября 1958 года поэт Николай Заболоцкий смотрел фильм «Летят журавли», чувствовал себя превосходно.

Наутро, нарушив предписания врача, сам пошёл бриться в ванную. Выходя из неё, упал. Второй инфаркт оказался роковым.

А душа, трудившаяся всю жизнь, присоединилась к летящим журавлям, оставив нам своё завещание:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Гони её от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому,
Через сугроб, через ухаб!

Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в чёрном теле
И не снимай с неё узды.

Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвёт.

А ты хватай её за плечи,
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.

Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

